

Политика контрраспространения США в конце XX – начале XXI в.

К.С. Тарасов

В данной статье, охватывающей период до сентября 2012 г., всесторонне рассматривается стратегия контрраспространения США, ее становление, реализация и последствия. Автор также очерчивает российские нераспространенческие инициативы и обозначает возможные шаги по укреплению режима нераспространения.

После окончания биполярной конфронтации в риторике политиков Соединенных Штатов появился и прочно утвердился термин «counterproliferation», который интерпретируется исследователями в сфере международных отношений как «контрраспространение» или «противодействие распространению». Стратегия контрраспространения, в отличие от термина «нераспространение», обозначающего укрепление международно-правового поля режима нераспространения с целью перекрыть каналы доступа к оружию массового уничтожения (ОМУ), а также к технологиям, материалам и информации, необходимым для его создания, ориентирована на наступательные и превентивные меры, призванные минимизировать угрозу применения ОМУ и не допустить его использования нарушителями режима нераспространения, в том числе и потенциальными.

Появление термина «контрраспространение» связано со стремлением властей Соединенных Штатов преодолеть «застарелые» проблемы нераспространения, а также с опасениями относительно возможности появления в постбиполярном мире новых факторов, способных расшатать существовавшие нераспространенческие механизмы. Истеблишмент США был всерьез обеспо-

коен возможностью расширения «ядерного клуба» как вследствие распада СССР, когда ядерное оружие (ЯО) оказалось на территории России, Украины, Белоруссии и Казахстана, так и в силу того, что превосходство Соединенных Штатов, как считали американские стратеги, «могло побудить другие страны приобрести ядерное оружие»¹ для обеспечения своей безопасности.

Основанием для опасений было и столь характерное для эпохи глобализации стремительное развитие мирового рынка, создававшее в условиях ослабления контроля над транснациональными процессами благоприятную почву для процветания «теневых» сектора экономики, в том числе торговли ядерными секретами и материалами. Создававшаяся ситуация требовала разработки новых средств и подходов для предотвращения распространения ОМУ, призванных восполнить пробелы системы нераспространения.

7 декабря 1993 г., во время своего выступления в американской Национальной академии наук, тогдашний министр обороны США Л. Эспин изложил суть «Оборонительной контрраспространенческой инициативы» (Defense Counterproliferation Initiative), в соответствии с которой попадание ОМУ в руки террористов могло бы стать дестабилизирующим фактором для режима нераспространения.

Тарасов Константин Сергеевич – аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России; вице-консул Генерального консульства Российской Федерации в Монреале (Канада). E-mail: konstantine.tarasov@gmail.com

Л. Эспин заявил о необходимости «создать новый военный потенциал для борьбы с этой новой угрозой»². Арсенал существовавших в Соединенных Штатах средств нераспространенческой политики – сдерживание, контроль над вооружениями и «превентивная» дипломатия – пополнился задачей защиты (protection) США, их вооруженных сил и союзников в различных регионах мира от применения ОМУ.

Инициатива изменила парадигму нераспространенческого мышления. Главный вопрос теперь не ограничивался тем, как предотвратить распространение ОМУ, а заключался также в том, как США могут обезопасить себя, если распространение уже состоялось. С одной стороны, создавалось впечатление, что де-факто признавалась неизбежность распространения ОМУ, а с другой – предполагалось, что предусмотренный новой стратегией курс на снижение уязвимости Америки и ее союзников от использования такого оружия нивелирует стремление к приобретению вооружений данного типа у других стран. Подобные доводы могли быть одной из причин, побудивших США впоследствии начать работы по развертыванию третьего позиционного района системы противоракетной обороны в Европе.

Вскоре после обнародования новой инициативы Президент США Б. Клинтон в декабре 1993 г. подписал Директиву №18 (PDD/NSC 18), которая предусматривала в том числе создание оружия для уничтожения ОМУ у враждебных государств и пересмотр стратегий, использовавшихся для борьбы с угрозой распространения³. В 1996 г. после острых дебатов в Америке по поводу нового подхода к предотвращению распространения ОМУ министерство обороны США поручило Объединенному комитету начальников штабов разработать контрраспространенческую стратегию. В том же году при министерстве обороны США создается Совет по проблемам контрраспространения (Counterproliferation Council).

Изначально стратегия контрраспространения включала в себя три основные составляющие⁴:

- предотвращение распространения ОМУ (обозначающее деятельность министерства обороны США в сфере нераспространения);
- потенциал наступательных действий (контрсиловые операции);
- оборонительный потенциал (активная и пассивная оборона).

Цель контрсиловых операций заключалась в уничтожении ОМУ противника и средств его доставки до того, как они будут использованы. Система активной защиты (главным образом противовоздушная и противоракетная оборона) должна была перехватывать любые средства доставки ОМУ. К пассивной защите относились действия личного состава по защите от использования ОМУ. Каждый из этих компонентов был задействован по мере увеличения угрозы и «несрабатывания» предшествующего механизма. Таким образом, предусматривалось, что если превентивные меры оказывались безрезультатными, то применялись контрсиловые

операции. Если и они не давали нужного результата, то использовались меры активной, а затем пассивной защиты.

В 1997 г. из-за возросших опасений относительно угрозы терроризма (связанных, например, с терактом в Оклахома-Сити 1995 г.) стратегия контрраспространения была дополнена положением, что министерство обороны США должно оказывать поддержку «ведущему федеральному ведомству», ответственному за контртеррористическую деятельность на территории Соединенных Штатов, а также принимать меры по ликвидации последствий использования ОМУ.

Объединенный комитет начальников штабов обнародовал стратегию контрраспространения в феврале 2001 г. Основной замысел концепции заключался в том, чтобы лишить всякой возможности страны, претендующие на ядерный статус, войти в «клуб ядерных держав». В случае необходимости предусматривалось применение силы. Стоит заметить, что силовые методы использовались США в практической плоскости еще до концептуального оформления стратегии контрраспространения. Примером тому может служить уничтожение ядерных объектов Ирака во время войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.)⁵.

Также в ходе осложнения ситуации на Корейском полуострове в 1993–1994 гг. Соединенные Штаты рассматривали возможность «силового разрешения» кризиса вокруг северокорейской ядерной программы. Более того, «в начале 1995 г. в США обсуждался вопрос о нанесении упреждающего удара по атомным объектам Ирана»⁶.

Еще одним примером практического воплощения стратегии контрраспространения может служить следующее обстоятельство: в 1994 г. Конгресс США принимает закон о предотвращении распространения ядерного оружия (Nuclear Proliferation Prevention Act), согласно которому Соединенные Штаты прекращают оказывать помощь любому государству-нарушителю, которое приобрело технологии для изготовления ядерных боеприпасов⁷.

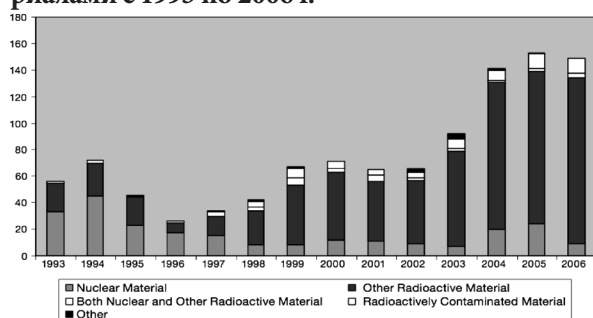
К концу 1990-х гг. по режиму нераспространения был нанесен серьезный удар – весной 1998 г. Индия и Пакистан провели испытания собственного ядерного оружия, а вскоре после этого лидеры двух стран объявили о создании минимальных ядерных сил сдерживания. В научном сообществе заговорили об эрозии существующей системы нераспространения, о том, что близок тот день, когда лимит «мирных» средств недопущения распространения ОМУ окончательно себя исчерпает. На этом фоне в сознании вашингтонских стратегов постепенно укоренялась идея о том, что только решительные и упреждающие меры способны залатать бреши, образовавшиеся в режиме нераспространения.

В этой связи в декабре 1998 г. США и Великобритания провели операцию «Лис пустыни», цель которой заключалась в уничтожении возможных объектов производства ОМУ в Ираке. А в 1999 г. был создан Центр реализации программы контрраспространения ВВС США (Air Force Counterproliferation Center).

В 2000-х гг. особую актуальность проблематике нераспространения придали события 11 сентября 2001 г. Тогда мир накрыла волна обсуждений, касающихся возможности приобретения ядерного оружия или даже его создания террористическими сетями. Усугубляли ситуацию кризисы вокруг северокорейской и иранской ядерных программ. Появились многочисленные публикации, посвященные «черному рынку расщепляющихся материалов».

График 1

Количество происшествий криминального характера (кража, утрата, незаконное присвоение и т.д.), связанных с радиоактивными материалами с 1993 по 2006 г.

Источник: *Combating Illicit Trafficking in Nuclear and other Radioactive Material. IAEA Nuclear Security Series No. 6.*

После разоблачения в начале XXI в. сети «отца» пакистанской атомной бомбы А. Хана, которая занималась поставкой ядерных технологий в такие страны, как Иран, Ливия и КНДР, подтвердились опасения по поводу взаимодействия криминальных сетей с государствами-нарушителями нераспространенческих режимов. В августе 2005 г. в интервью японскому информационному агентству «Киодо» тогдашний лидер Пакистана П. Мушарраф признал, что А. Хан «передавал КНДР технологии обогащения урана, включая газовые центрифуги и документацию по их производству»⁸.

Северная Корея, в свою очередь, могла сотрудничать с другими странами и передавать им ядерные секреты. Зарубежный исследователь З. Хекер, занимающийся изучением северокорейской ядерной программы, утверждает, что «существует множество доказательств тому, что Пхеньян построил Сирии реактор, производящий плутоний (он был уничтожен в сентябре 2007 г. во время налета израильской авиации)»⁹.

В 2009 г. в газете «Гардиан» была опубликована статья, в которой Союз Мьянма уличался в сотрудничестве с Северной Кореей по разработке ядерного оружия¹⁰. Но несколько позже, в июне 2012 г., министр обороны Мьянмы генерал-лейтенант Хла Мин заявил, что его страна отказалась от всех разработок в ядерной области¹¹.

«Дело Хана» привело к появлению понятия «сетевое распространение» («proliferation network»), обозначающего действия транснациональных сетевых структур, связанные с нелегальным оборотом расщепляющихся материалов. «Кризис» сложившейся системы нераспространения в начале 2000-х гг. привел к существенным трансформациям

американской стратегии в области нераспространения. В 2002 г. администрация Дж.У. Буша приняла «Стратегию национальной безопасности» и «Национальную стратегию борьбы с распространением ОМУ».

В Национальной стратегии представлены три составляющие американской политики, направленные на борьбу с распространением ОМУ¹²:

– контрраспространение (counterproliferation), под которым понимается предотвращение угрозы применения ОМУ и защита от нападения с использованием ОМУ против США, их вооруженных сил, союзников и партнеров. К контрраспространению были отнесены: а) запретительные меры: расширение возможностей военных, разведывательных и правоохранительных структур по предотвращению передач ОМУ, а также связанных с ним материалов, технологий и экспертизы враждебным государствам и террористическим организациям; б) политика сдерживания, декларирование «политики решительной и эффективной военной силы», с тем чтобы убедить потенциальных противников в нецелесообразности разработки ОМУ. Кроме того, предусматривается эффективное использование разведслужб и перехват ОМУ и материалов; в) оборона и смягчение последствий использования ОМУ. Привлечение сил противовоздушной и противоракетной обороны для решения этой задачи. Нанесение превентивных ударов и проведение военных операций вне территории США для ликвидации ОМУ и связанной с ним инфраструктуры;

– нераспространение (nonproliferation), включающее: а) активную дипломатию в области нераспространения, применение политико-дипломатических подходов в целях побуждения государств к отказу от создания ОМУ, выполнения международных обязательств в области нераспространения; б) участие в деятельности многосторонних режимов нераспространения и реализацию соглашений в области контроля над вооружениями; в) международное сотрудничество в рамках программ по снижению угрозы; г) контроль ядерных материалов, программы по сокращению и улучшению безопасности и сохранности запасов расщепляющихся материалов в государствах бывшего СССР; работу в глобальном масштабе по предотвращению накопления плутония и минимизации использования высокообогащенного урана (ВОУ); развитие международного сотрудничества в области производства ядерного топлива; д) укрепление США национальных мер экспортного контроля; е) применение санкций, направленных на предотвращение распространения ОМУ;

– меры борьбы с последствиями распространения (consequence management), уменьшение негативных последствий от использования ОМУ против американского населения или вооруженных сил.

Как видно, меры борьбы с последствиями распространения выделены (по сравнению с 1990-ми гг.) в качестве самостоятельной «опоры»

Таблица 1

Происшествия, связанные с плутонием и высокообогащенным ураном (ВОУ) с 1993 по 2006 г.

Incidents involving HEU and plutonium confirmed to the ITDB, IAEA, 1993–2006				
Incident	Date	Location	Material	Amount, g
Seizure	24 May 1993	Vilnius, Lithuania	HEU (50%)	150
Seizure	Mar 1994	St Petersburg, Russian Federation	HEU (90%)	2,972
Seizure	10 May 1994	Tengen-Wiechs, Germany	Pu	6.2
Seizure	13 Jun 1994	Landshut, Germany	HEU (87.7%)	0.795
Seizure	25 Jul 1994	Munich, Germany	Pu	0.24
Seizure	8 Aug 1994	Munich Airport, Germany	Pu	363.4
Seizure	14 Dec 1994	Prague, Czech Republic	HEU (87.7%)	2,730
Seizure	Jun 1995	Moscow, Russian Federation	HEU (21%)	1,700
Seizure	6 Jun 1995	Prague, Czech Republic	HEU (87.7%)	0.415
Seizure	8 Jun 1995	Ceske Budejovice, Czech Republic	HEU (87.7%)	16.9
Seizure	29 May 1999	Rousse, Bulgaria	HEU (72.65%)	10
Theft	Dec 2000	Karlsruhe, Germany	Pu	0.001
Seizure	16 Jul 2001	Paris, France	HEU (72.57%)	0.5
Seizure	26 Jun 2003	Sadahlo, Georgia	HEU (89%)	~170
Loss	Mar–Apr 2005	New Jersey, USA	HEU	3.3
Loss	24 Jun 2005	Fukui, Japan	HEU	0.0017
Seizure	1 Feb 2006	Tbilisi, Georgia	HEU (89%)	79.5
Discovery	30 Mar 2006	Henningsdorf, Germany	HEU	47.5

Additional highly credible cases involving HEU, 1991–2006, from DSTO				
Incident	Date	Location	Material	Amount, g
Seizure	6 Oct 1992	Podolsk, Russian Federation	HEU (90%)	1,500
Seizure	29 Jul 1993	Andreeva Guba, Russian Federation	HEU (36%)	1,800
Seizure	28 Nov 1993	Sevmorput, Russian Federation	HEU (20%)	4,500
Loss	1996	Tomsk, Russian Federation	HEU (90%)	145
Loss	1992–1997	Sukhumi, Abkhazia, Georgia	HEU (90%)	655
Diversion attempt	1998	Chelyabinsk region, Russian Federation	HEU (unknown %)	18,500
Seizure	2000	Elektrostal, Russian Federation	HEU (21%)	3,700

Источник: *Illicit Trafficking in Radioactive Materials. International Institute for Strategic Studies.*

усилий США в сфере нераспространения. В целом действия США в изучаемой области все больше носили характер односторонности. Представители американской политической элиты полагали, что на плечи США как на мирового стража порядка была возложена особая ответственность за решение, помимо всего прочего, насущной проблемы распространения ОМУ, прийти к которому предлагалось любым надлежащим способом, в том числе и военным.

Политика силы, на которую в то время опирался Вашингтон, определяла подходы в области нераспространения. Одним из ярчайших примеров применения «доктрины» контрраспространения на практике стала начавшаяся в марте 2003 г. война против Ирака, официальным поводом проведения которой стало стремление найти там оружие массового уничтожения, которое, по заявлениям американских властей, там было, но так и не было обнаружено.

Можно предположить, что политика контрраспространения служила в том числе для оправдания некоторых внешнеполитических шагов США, которые могли иметь под собой иные причины, нежели противодействие распространению ЯО. Такие мотивы, как недопущение ядерного распространения, помогают узаконивать проведение военных операций с моральной точки зрения в глазах мирового сообщества и американского народа даже в обход ООН.

Также в соответствии с «духом» политики контрраспространения в США велись дискуссии, касающиеся возможности уничтожения ядерных объектов КНДР, обсуждался план операции «Укус» — ударов по ядерным объектам Ирана, не исключался вариант установления контроля над ядерными объектами Пакистана. Кроме того, Соединенные Штаты рассматривали возможность создания ядерного устройства для уничтожения подземных бункеров (deep nuclear earth penetrator)

и обсуждали меры по обезоруживанию потенциально опасных стран посредством развертывания глобальной системы ПРО.

В рамках политики контрраспространения в 2003 г. в Кракове Дж.У. Буш предложил международную программу «Инициатива безопасности в борьбе с распространением» (ИБОР), к которой присоединилась и Россия. ИБОР предусматривала возможность перехвата воздушных и морских судов в международных водах и воздушном пространстве в случае возникновения серьезных подозрений, что эти суда осуществляют незаконные перевозки материалов, оборудования и технологий, которые могут быть использованы для создания ОМУ и средств его доставки. В том же году на фоне охватившего Америку страха перед угрозой ядерного терроризма было создано министерство внутренней безопасности.

21 ноября 2005 г. создается Национальный центр реализации политики контрраспространения (National Counterproliferation Center – (NCPC)) для «противодействия угрозам, вызванным распространением химического, биологического, радиологического и ядерного оружия»¹³. Он был призван решать задачи, отличные от тех, что ставились перед Национальным контртеррористическим центром, деятельность которого была сосредоточена на предотвращении попадания ОМУ в руки террористов. Национальный центр реализации политики контрраспространения преследует пять целей:

- воспрепятствовать появлению у государств, террористов или вооруженных формирований ОМУ, а также разработке и мобилизации ресурсов для его создания;
- помешать попыткам государств, террористов и других участников международных процессов приобрести ОМУ или передать его другой стороне;
- пресечь программы по созданию ОМУ;
- предотвратить использование ядерного, радиологического, биологического и химического оружия, а также средств его доставки;
- смягчить последствия использования ОМУ против Соединенных Штатов или их союзников.

В 2006 г. США принимают «Национальную военную стратегию борьбы с распространением ОМУ» и «Стратегию национальной безопасности». Анализ Национальной военной стратегии показывает, что упор в борьбе с распространением делался на «операции по ликвидации ОМУ» (WMD elimination – уничтожение мест хранения ОМУ и предприятий его производящих) и «запретительные меры» (WMD interdiction – пресечение поставок ОМУ, систем его доставки, технологий, материалов и информации, необходимых для его производства, а также технологий двойного назначения).

Более того, Вашингтон ужесточил правила инспекций прибывающих в США грузов согласно «нормам, установленным в соответствии с «Инициативой безопасности контейнерных перевозок» (Container Security Initiative), «Инициативой портового контроля» (Megaports Initiative), которой

предусматривается организация слежения за перемещением грузов в различных странах, а также с «Инициативой по безопасному товарообороту» (Secure Freight Initiative)»¹⁴.

Политика контрраспространения была неоднозначно воспринята как международным сообществом, так и в самих США. Основные аргументы против такой стратегии сводятся к следующему:

– во-первых, критики контрраспространения отмечали, что военные способы борьбы с распространением ОМУ не должны превалировать над дипломатическими методами решения проблемы – первые надо использовать как крайнее средство в случае возникновения чрезвычайных ситуаций;

– во-вторых, ракурс усилий международного сообщества смещался с поиска механизмов предотвращения распространения ОМУ в сторону преодоления последствий его применения. Концепция контрраспространения, отмечали ее оппоненты, по сути, признавала, что распространение уже состоялось, а усилия дипломатов не дадут нужных результатов;

– в-третьих, возникали опасения относительно того, что реализация контрраспространенческой инициативы окажется слишком затратной и в конечном итоге будет «перетягивать» на себя средства с «традиционных» программ в сфере нераспространения, что могло впоследствии негативно отразиться на «прочности» нераспространенческого режима;

– в-четвертых, использование силовых мер на практике могло стать препятствием к расширению сотрудничества с другими участниками международных процессов в целях проведения эффективной нераспространенческой политики.

Парадокс контрраспространения заключается в том, что эта стратегия, призванная предотвращать распространение ОМУ, сама могла оказаться стимулом, подталкивающим государства к его приобретению для обеспечения национальной безопасности. Отчасти этим можно объяснить стремление КНДР обзавестись ядерным оружием. Имея перед глазами пример иракской кампании, руководство Северной Кореи, возможно, опасалось принятия силовых мер против своей страны.

Россия предложила собственный вариант «мягкой» стратегии нераспространения, ориентированный скорее на поиск дипломатического решения проблемы, чем на силовой подход. Ее позицию в области нераспространения можно свести к следующему:

– закрепление ключевой роли ООН в вопросах нераспространения ОМУ, в частности путем реализации требований резолюции Совета Безопасности ООН 1540 (2004 г.). Она обязывает государства «воздерживаться от любой поддержки негосударственных структур, которые пытаются разрабатывать, приобретать, производить, иметь, перевозить, передавать или использовать ядерное, химическое или биологическое оружие и средства его доставки»¹⁵;

■ Свежий взгляд

- поддержка инициатив по созданию зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО);
- заключение ДЗПРМ и вступление в силу ДВЗЯИ;
- ограниченная интернационализация ядерного топливного цикла (ЯТЦ);
- укрепление ДНЯО и поддержка деятельности МАГАТЭ;
- участие в многосторонних режимах экспортного контроля, например в Комитете Цангера, Группе ядерных поставщиков (ГЯП) и Режиме контроля за ракетными технологиями (РКРТ);
- принятие мер, направленных на недопущение распространения информации в области создания ОМУ;
- обмен разведанными в сфере нераспространения;
- недопустимость «избирательности» в деле предотвращения распространения ОМУ и средств его доставки.

В этой связи примечательна деятельность компаний США, явно идущая вразрез с «моральным кодексом» нераспространения. Так, «американские предприятия продолжают активно поставлять различную продукцию, имеющую отношение к ракетным технологиям, а также соответствующие «ноу-хау» в зарубежные страны, около трети из которых не являются членами международного режима контроля за ракетными технологиями (РКРТ), включая Египет, Израиль, Кувейт, Оман, ОАЭ, а также Тайвань. Обращает на себя внимание тот факт, что даже в этих случаях проверка использования ракет конечным получателем, предусмотренная американским законодательством, на регулярной основе не производится»¹⁶.

С приходом к власти в США администрации Б. Обамы эксперты в академической среде стали говорить о возможных скорых изменениях стратегии США в нераспространенческой сфере. Соединенные Штаты, как казалось, стали отходить от односторонности и больше участвовать в многосторонних форумах, например в ядерных саммитах. Поменялась риторика в сфере нераспространения. Вместо термина «борьба с распространением ОМУ» (combat WMD), использовавшегося предшествующей администрацией, стала применяться формулировка «противодействие распространению ОМУ» (counter-WMD).

Однако это вовсе не означало, что США отказывались от концепции контрраспространения. Так, 18 августа 2010 г. тогдашний директор ЦРУ Л. Панетта объявил о создании Центра ЦРУ по реализации стратегии контрраспространения (CIA's Counterproliferation Center–(CPC))¹⁷, который занимается сбором и анализом разведанных с целью недопущения распространения ОМУ. Более того, если в начале президентства Б. Обамы казалось, что силовые составляющие контрраспространения уходят в прошлое, сейчас вновь появились признаки возрождения «политики силы». Во время проведения ядерного саммита в Сеуле в марте 2012 г. «Б. Обама, ранее выступавший за

дипломатическое решение иранской проблемы, теперь не исключает и более жестких вариантов вмешательства»¹⁸.

Речь Б. Обамы 20 августа 2012 г., во время которой он заявил, что «может принять решение о военном вмешательстве в события в Сирии, если там возникнет угроза распространения химического или биологического оружия»¹⁹, указывала на «ренессанс» силовых методов контрраспространения. Демонстрация силы также проявила себя во время сентябрьских военных учений в Ормузском проливе, недалеко от берегов Ирана, в которых приняли участие корабли Великобритании, США, Франции, Саудовской Аравии и других государств.

Что касается позиции России, то в своей нераспространенческой деятельности она ориентировалась на²⁰:

- наращивание усилий в борьбе с ядерным терроризмом;
- участие в ядерных саммитах;
- усиление мер физической ядерной безопасности (security) и эксплуатационной ядерной безопасности (safety);
- оказание содействия государствам, выступающим за мирное использование ядерной энергии, проведение программ по конверсии высокообогащенного урана (ВОУ), а также по возврату в Россию ВОУ ядерных исследовательских реакторов российской конструкции.

Предотвращение распространения ОМУ занимает одну из ключевых ниш в повестке дня вопросов современности. Особую сложность этой проблеме придает то обстоятельство, что случайное или преднамеренное использование ядерного оружия государственным или негосударственным участником международных процессов может иметь катастрофические последствия для современной цивилизации. Нельзя исключать также возможность увеличения количества вызовов и угроз в проблемном поле нераспространенческого режима: последние достижения в различных технологических областях позволяют прогнозировать появление новых видов оружия, в том числе ОМУ, на основе, например, нано- и биотехнологий.

Одним из способов решения задач по недопущению распространения ОМУ стала стратегия контрраспространения, на силовую составляющую которой США сделали ставку при администрации Дж.У. Буша. Однако реализация этой политики показала, что «принуждение к нераспространению» имело тактический успех, однако в стратегическом плане требуется более многогранный подход. Кроме того, бремя нераспространенческих проблем оказалось слишком тяжелым для одной державы, поэтому для их решения требуется расширение поля сотрудничества стран мира через глубокую трансформацию их взаимоотношений.

Опорами комплексной нераспространенческой стратегии (comprehensive nonproliferation strategy) могли бы стать: разоружение, нераспространение, контрраспространение и ликвидация последствий применения ОМУ. Важно добиться признания принципа «неделимости» в решении

проблем распространения (возможно, на юридическом уровне), его универсальности, показав, что при обсуждениях нераспространенческой повестки дня нет места «двойным стандартам» и избирательности. Уменьшение числа атомных электростанций и других объектов с ядерными материалами также могло бы положительно сказаться на укреплении нераспространенческого режима. Это справедливо и в отношении сокращения количества ЯО. Однако все эти меры не дадут нужного результата без единства в международном сообществе, способного «пресечь» ядерные амбиции отдельно взятых стран.

Особый упор следовало бы сделать на нераспространенческой составляющей. Магистральные направления совместной работы должны быть направлены на реализацию ДВЗЯИ и ДЗПРМ, упрочение ДНЯО, интернационализацию ядерного

топливного цикла, обеспечение высоких стандартов сохранности ядерных материалов, укрепление мер экспортного контроля материалов, пригодных для производства ОМУ, сотрудничество разведслужб различных стран и широкий спектр других мер. Дипломатические усилия следовало бы также сосредоточить на разрешении региональных конфликтов, создающих благоприятную среду для распространения ОМУ.

Tarasov K.S. US Counterproliferation Policy in the Late XX – Early XXI century.

Summary: *This article, which covers the period till September 2012, presents a comprehensive review of the US counterproliferation strategy, its genesis, implementation and consequences. The author also outlines Russia's nonproliferation initiatives and unveils possible steps to strengthen nonproliferation regime.*

Ключевые слова

Россия, США, российско-американские отношения, контрраспространение, нераспространение, оружие массового уничтожения, ядерное оружие.

Keywords

Russia, USA, Russia–United States relations, counterproliferation, nonproliferation, weapons of mass destruction, nuclear weapons.

Примечания

1. Стратегия нераспространения и международный бизнес. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 294.
2. Williams Chris. DOD's Counterproliferation Initiative: A Critical Assessment. URL: <http://www.fas.org/irp/threat/fp/b19ch14.htm> (дата обращения: 19.08.2012).
3. Counterproliferation Initiative Presidential Decision Directive PDD/NSC 18. December 1993. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pdd18.htm> (дата обращения: 20.08.2012).
4. Mauroni Albert J. A Counter-WMD Strategy for the Future. Parameters, 2010. URL: <http://www.carlisle.army.mil/USAWC/Parameters/Articles/2010summer/Mauroni.pdf> (дата обращения: 19.07.2012).
5. Country profile Iraq. NTI. URL: <http://www.nti.org/country-profiles/iraq/nuclear/> (дата обращения: 23.07.2012).
6. Фененко А.В. Современные военно-политические концепции США. Международные процессы. Том 7, № 1(19). Январь–апрель 2009. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/007.htm> (дата обращения: 20.07.2012).
7. The 1994 Nuclear Proliferation Prevention Act. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/Deterrence/NonProliferationAct.shtml> (дата обращения: 20.08.2012).
8. Мушарраф: пакистанский ученый передавал ядерные технологии КНДР. РИА «Новости». 24.08.2005. URL: <http://ria.ru/world/20050824/41218891.html> (дата обращения: 29.08.2012).
9. Hecker Siegfried S. Lessons learned from the North Korean nuclear crises. URL: <http://iis-db.stanford.edu/pubs/22801/Hecker.pdf> (дата обращения: 15.07.2012).
10. Borger Julian. Burma suspected of forming nuclear link with North Korea, Guardian.co.uk, July 21, 2009. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2009/jul/21/burma-north-korea-nuclear-clinton> (дата обращения: 15.08.2012).
11. O'Callaghan John. Myanmar abandons nuclear research – defence minister, Reuters, June 2, 2012. URL: <http://uk.reuters.com/article/2012/06/02/uk-asia-security-myanmar-idUKBRE85105520120602?feedType=RSS&feedName=worldNews> (дата обращения: 03.06.2012).
12. National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. 2002. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/16092.pdf> (дата обращения: 25.08.2012).
13. См. официальный сайт National Counterproliferation Center URL: <http://www.counterwmd.gov> (дата обращения: 23.08.2012).
14. Иванов Владимир. Антитеррористический «Смерш» США. Независимое военное обозрение. 30.11.2007 http://nvo.ng.ru/wars/2007-11-30/2_smersh.html (дата обращения: 16.09.2012).
15. Текст резолюции 1540. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1540.htm> (дата обращения: 27.06.2012). Дополнительную информацию о резолюции см. на сайте МИД России. URL: <http://www.mid.ru/ns-dmo.nsf/d1e21cb809777d63432569ff003ccdcf3cebfb3abae1e99abc32575cb002a4af5?OpenDocument> (дата обращения: 29.06.2012).
16. Факты нарушения США своих обязательств в сфере нераспространения оружия массового поражения и контроля над вооружениями. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/D6942A5B5C23A4FCC325777800257B74 (дата обращения: 09.09.2012).
17. CIA Launches New Counterproliferation Center. Press Releases & Statements. URL: <https://www.cia.gov/news-information/press-releases-statements/press-release-2010/cia-launches-new-counterproliferation-center.html> (дата обращения: 09.09.2012).
18. Ядерный саммит: Обама говорит о «моральном обязательстве» действовать. InoPressa. 26 марта 2012 г. URL: <http://www.inopressa.ru/article/26mar2012/inotheme/summit26.html> (дата обращения: 09.09.2012).
19. Обама: вооруженные силы США могут вмешаться в события в Сирии, если возникнет угроза распространения химоружия. ИТАР-ТАСС, 20 августа 2012 г. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/500334.html> (дата обращения 30.08.2012).
20. Lavrov Sergey. Seoul Summit: A view from Moscow. The Washington Times. March 23, 2012. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2012/mar/23/seoul-summit-a-view-from-moscow/> (дата обращения 30.07.2012).